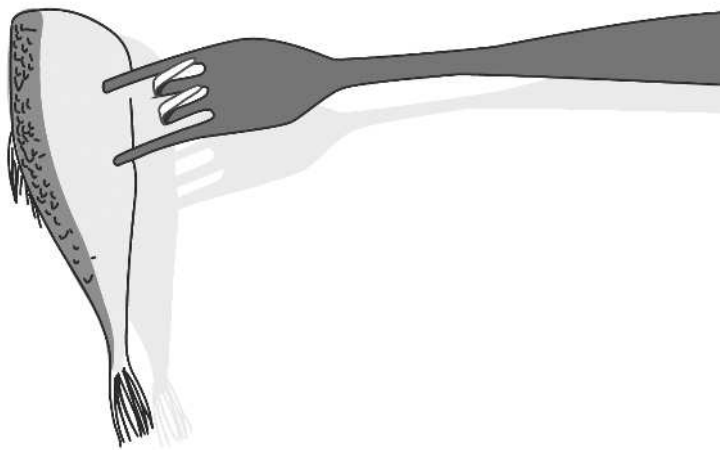

МИХАИЛ ШАХНАЗАРОВ
«КОНТРАБАС»
И ВИСКИ
С ТРЮФЕЛЯМИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ШЗ1

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

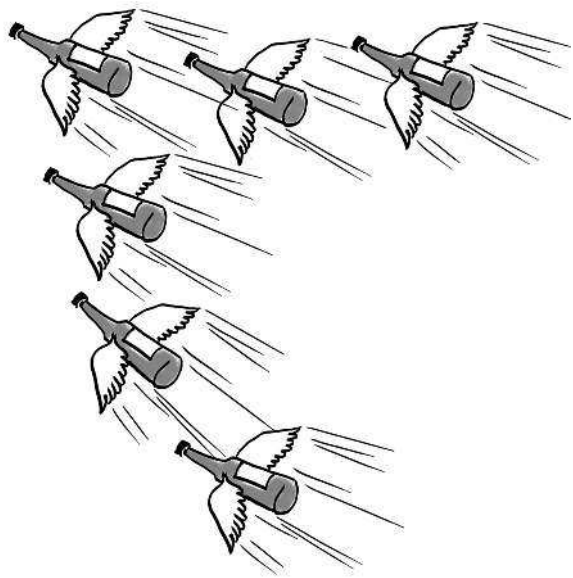
Шахназаров, Михаил Сергеевич

ШЗ1 «Контрабас» и виски с трюфелями. Сборник рассказов / Михаил Шахназаров.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 349, [1] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-107073-1

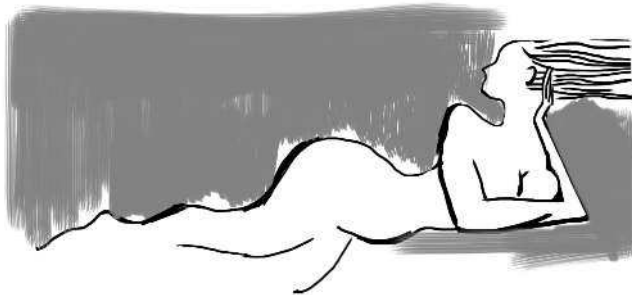
Безусловно, в этой книге больше смеха, чем грусти. В ней частичка моей жизни, жизни моих друзей и города, который остался только в воспоминаниях. Когда идешь по знакомым с детства улицам, невольно начинаешь воскрешать в памяти те или иные моменты, связанные с твоим прошлым. И ты попадаешь в невидимое облако ностальгии — чувства, которое многие считают грустным. Ничего подобного! Ностальгия дарит нам те самые контрасты, делающие воспоминания яркими, и грустными, и дорогими сердцу. Здесь и про журналистов, и про асов контрабанды, и про любовь, без которой неспособна жить ни одна книга. А главное, что все эти истории реальны. Впрочем, прочтите и сами в этом убедитесь.

© Михаил Шахназаров, текст, 2018
© Юлия Межова, иллюстрации, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

МЕРТВЫЕ ДВОРНИКИ

Пальцы скользнули по линолеуму. Пустая бутылка с гулом откатилась к серванту. Телефон оказался под подушкой. Табло Вадика отпугнуло. Одиннадцать пропущенных звонков! Четыре неизвестных номера. И три звонка от Сергеича... Набирать номер Александра Сергеевича Вадик устрасился. Голос покажется громким, озлобленным. Интонации зазвучат уничижительно. Лучше выпить граммов пятьдесят, а потом уже и объясниться. Но надежнее выпить сто граммов. Пятьдесят — придают уверенности. Сто грамм — помогут

быть смелым, неустрашимым. И даже на какое-то время деятельным.

Пошатываясь, Вадим дошел до ванной комнаты. Зубная щетка больно впивалась в десны. Зажмурив глаза, Вадик сплюнул на белизну раковины и ополоснул пунцовое лицо. Еще десять, максимум пятнадцать минут — и облегчение.

У подъезда, опершись на черенок метлы, стояла дворничиха тетя Клава. Год назад тетя Клава похоронила мужа. Он прошел войну, имел боевые награды. А еще — подаренный зажиточным кооператором протез, сделанный по специальному заказу в Германии. Последние годы служил военкомом и маниакально преследовал отказников. Иногда в состоянии тяжелого алкогольного врывался в квартиры и кричал. Кричал,

что вокруг ренегаты, фашистские прихвостни, наркоманы, дезертиры и полицаи. Малолетней, но ранней потаскушке Регине из третьего подъезда орал с балкона, что во время войны он бы отослал ее в штрафбат. Грехи замаливать или болванки таскать на танковый завод. А еще дядя Игорь, или полковник Феофанов, рьяно болел за футбольный ЦСКА. Когда ЦСКА выигрывал, офицер добрел. Если любимая команда влетала, Феофанов буйствовал. Иногда поколачивал тетю Клаву. Бывало, вымещал злость на призывниках. Рассказывали, что после одного из проигрышей в военкомат явился юноша. Сам пришел, что уже редкость. Шею паренька обвивал красно-белый спартаковский шарфик.

— Так, значит, за «Спартак» болеешь? — спросил военком.

— Так точно, товарищ полковник: за родной московский «Спартак»! — отрапортовал будущий воин.

— На Дальнем Востоке будешь теперь болеть! И ангиной, и гриппом, и за родной московский «Спартак»! — заорал Феофанов. — Будешь в стройбате глотку свою рвать за родной московский «Спартак»! Сам станешь красно-белым от мороза, как твой шарфик!

Впрочем, красно-белым разок был и сам военком. Упился до белой горячки. Ковыляя, носился по двору. Песочницу детскую за окоп принял, просил, чтобы его прикрыли... Прикрыли в вытрезвитель. Но, разобравшись, отпустили с миром, поблагодарив за защиту

Родины от немецко-фашистских захватчиков. А через пару месяцев полковник Феофанов отправился в мир иной. Поговаривали, что отравился. Не то консервами, не то водкой.

На похоронах плакали и стреляли в небо. Скандал небольшой произошел. Когда церемония прощания подходила к экватору, какой-то прапорщик заметил, что один венек в каноны траурной икебаны явно не вписывается. С одной стороны расправленной красно-белой ленты виднелась надпись: «Сладких снов, товарищ полковник!» С другой — в мир смотрел слоган: «„Спартак“ чемпион!» Виновных искали, но вместо них нашли несколько непригодных к службе сутулых юношей в прыщах и красно-белых шарфиках...

Заметив Вадика, тетя Клава подбоченилась. Качая головой, произнесла:

— Э-э-х-х... Вадик... Ты глянь, на кого похож-то стал, а!

— На мужа вашего покойного перед уходом похож я стал. Просто вылитый,— вибрирующим голосом ответил Вадим.

— Вот-вот! Именно! Только он тебе в деда годился. Он войну, в отличие от тебя, прошел. Да и после нее много дел полезных сделал. А ты все в огонь, воду и медные трубы угодить норовишь.

— Я завтра исправлюсь. К Богу обращусь.

— Ты-то обратишься? Если его лик на этикетке водочной пропечатают, то вообще богоборцем станешь.

— Нет. В монастырь уйду. В женский, тетя Клава. Буду в кельях высокодуховных детишек строгать. С Библиями в руках будут свету являться. И не станут орать, как все новорожденные. А сразу нести проповедями своими в мир доброе, светлое и вечное будут. Аминь, тетя Клава. И да будет в мире этом...

— Тьфу! Пошляк, богохульник!.. Слушай, Вадик. Погоди... Постой. Ну ты же не такой, а?.. Я вот к тебе давно с просьбой хочу обратиться. Фото свое ни разу в газете не видела. За всю жизнь ни разу. Трудно тебе, а? Все равно ведь больше отдыхаешь, чем работаешь. А фото в газете... Знаешь, как приятно перед подругами похвастаться? Вот, мол, труженица. Ну?.. Ну, там, заметку приятную можешь ведь накропать? — с улыбкой произнесла женщина.

— Ну можно вообще-то. Я подумаю, тетя Клава. Вернее, придумаю что-нибудь.

Подмигнув дворничихе, Вадик резвым шагом направился к дверям магазина.

Под потолком душного гастронома лениво барражировали мухи. В мясном отделе булькал засаленный радиоприемник с кривой антенной. Вид заветренной говядины вызвал у Вадика спазм. Батоны вареной колбасы напоминали отрубленные конечности. С отворачиванием поморщившись, он направился к винно-водочному. Вадик не нравилось, что отдел назывался именно винно-водочным. Казалось, покупателя провоцируют на убийственный коктейль из шамурлы

и «Столичной». Полки радовали этикеточным многоцветьем. Вадим вспомнил алкоголика-дядю. Его убило похмелье. Он, как раненый боец, дополз до магазина. А дяде сказали, что водку еще не завезли. Так на ступенях филиала храма Бахуса дядя и отдал Богу душу.

Аккуратно уложив бутылку на дно пластиковой корзины, Вадик подошел к кассе. За аппаратом сидела Люда. Грудь девушки объемами напоминала пародийную. Табличка с именем не висела, а лежала на вздымающемся от дыхания бюсте. Запястья вырисовывали складочки трехлетней девочки-пышки. Вадим недолюбливал Людмилу. Она криво улыбалась, хрюкала во время смеха, потешалась над своими шутками и напевала под нос песни Ротару.

— Вадик, а зачем тебе сухие супы? Ты в водке сухие супы варишь, да?

— Я ими оливье заправляю.

— И не надоело тебе глазенки заливать?

— Ты еще скажи: на кого, мол, ты, Вадик, стал похож?

— А чо говорить-то? На забулдыгу ты и похож. Интересный, умный вроде, а похож на алкаша.

— А ты выходи за меня замуж. Я пить брошу. Образум семейное гнездо, в которое ты каждый вечер будешь приземляться сизым геликоптером. Потом детишек нашинкуем. А они будут дарить нам мир. И будет в них щ-щ-астье!

— Два щц-щц-астья с тобой будет! Да и нашинкуешь с тобой разве что соломки морковной. У нас, наверное, просроченные бананы тверже твоей машинки шинковальной...— на этих словах Люда, прихрюкнув, залилась смехом.

— Знаешь, Людок... Тебя погубит пошлый юмор подворотен, запах из рыбного отдела и отсутствие стремления к карьерному росту. Иди в ПТУ и помни! Помни, что учиться никогда не поздно.

— Тоже мне, идиотик ученый. Я, между прочим, колледж закончила.

— Оно и видно. А колледж, то есть бывшее ПТУ, закончил тебя как женщину.

В спину коротко стрельнуло слово «урод». Вадик быстро вышел на улицу. Откупорив бутылку, сделал пару глотков. Солнце уже не резало глаза. Не копошилось в них своими острыми лучиками, а светило ласково. Листья не были пыльными и блеклыми. Пение птиц не нервировало... На скамеечке у подъезда сидела тетя Клава. Руки женщины были распластаны по недавно выкрашенной спинке. Голова покоилась на левом плече. Тетя Клава дремала. Милая улыбка, чуть подрагивающие веки, дряблые щечки. С минуту посмотрев на соседку, Вадик вбежал в подъезд. Вернулся с фотоаппаратом. На детской площадке субтильный юноша угощал пивом свою первую любовь. Вадик подбежал к мальчишке:

— Юниор, срочно нужна помощь.

— Мелочи нет,— прогундосил мальчик.

— Зато синяк может появиться. Тоже мелочь, но неприятная. Пошли. Будем снимать высокохудожественное фото.

— Мама говорит, что я жутко нефотогеничен.

— Зато языкаст. Значит, смотри. Тихонько так подойди к скамейке. И как можно ближе к этой мирно спящей труженице. Густо намажь на лицо всю трагедию вашего утерянного для жизни поколения. Голову ручонками обхвати. Вот так,— Вадик показал, как нужно обхватывать голову свидетелям трагедии.

— И что взамен?

— Взамен? Слава взамен, известность! Увидишь свою худошавую мордашку в газете. Купишь экземпляров десять. Девушке один подаришь. Остальные — родне, хулиганью местному покажешь, чтобы не били. Давай, давай, юниор, торопись. Следующий раз тебя, если и пропечатают, так либо в боевом листке, либо в криминальной хронике. А это уже не слава, это суррогат.

Юноша достаточно правдоподобно хватался за голову, корчил рожи. Вадик ловил удачные ракурсы... Забжав в квартиру, вспомнил о купленной бутылке. Настроение, поднявшееся благодаря творческой удаче, стало еще более приятным. Конечно же, Вадим вспомнил и о совести. Но денег у него практически не оставалось. Материала для статьи не было.

Опорожнив добрых полстакана, Вадим набрал номер Александра Сергеевича. Первым начал говорить главред:

— Вадик, ты мне что обещал? Ты мне обещал материал: «бомбу» о «черных копателях» с каких-то плодоносящих трофеями болот. С фотографиями обещал. С интервью главного «черного копателя». И с интригой, которую можно растянуть на три номера. И где этот материал?

— Сорвалось с копателями, Александр Сергеевич. Они какое-то разрешение не получили. Вот мы и не поехали.

— Вадик, ты, насколько я могу судить по голосу, трезв. Ну, или успел опохмелиться. Но, может, я и ошибаюсь. Может, ты вообще не пил. Так какого же рожна ты несешь ахинею? С какими копателями ты хотел делать байку?

— Я же говорил, с какими. С «черными», Александр Сергеевич.

— Так зачем же им разрешение, если они «черные»?

— Ну... Ну, не от властей разрешение, а от «братвы». Зоны поиска ценностей поделены на квадраты. Эти квадраты распределены между организованными преступными группировками и...

— И бригады денно и ночью выставляют на болотах посты из отморозков,— перебил главред,— чтобы «черные копатели» не утащили у них из-под носа ржавый пулемет, башню танка или сундуки с золотом Третьего рейха?.. Знаешь, Вадик... Вот есть поговорка, что, мол, лень родилась раньше какого-либо человека. Раньше тебя, Вадик, родилась не лень, а ложь. В общем, так.

Либо завтра сдаешь хорошую байку, либо будем говорить по-другому. Пусть не «бомба», пусть нормальный читабельный, как сейчас говорят, материал. Завтра, Вадик.

— Материал уже есть, Александр Сергеевич. Не взрывной и скандальный, правда. Он трогательный. Можно даже сказать, исполненный трагизма нашей жизни. Осталось, как вы говорите, поместить ядро в оболочку.

— Помещай, Вадик. А то я помещу тебя в список неблагонадежных. В такой же черный, как твои копатели с разрешениями...

Порицания показались Вадику не слишком злыми. После очередных ста грамм Вадик счел их за отеческие. Монитор ожил полупорнографической заставкой. Из колонок рвался в мир Билли Айдол. На белом полотне появился заголовок: «А старики уходят и уходят...» Из угла губ то и дело вываливалась сигарета. Вадик подобно гению фортепиано стучал по клавишам. Так же откидывал назад голову, когда организм просил очередной порции зелья. Три часа уложились в статью на целую полосу.

Закончив гнать строку, Вадик принялся ретушировать фото. Несколько раз посмотрев на снимок, пришел к выводу, что есть на нем детали лишние, отвлекающие. Из кадра исчезло левое крыло «мерседеса», мусорный ящик и беременная кошка Франя. По мнению Вадика, читателя должен был зацепить эффект

безвременья. Но эффекта не получилось. На страдающем юноше были кроссовки и бейсболка. А юноша был одним из несущих элементов экспозиции. Его убирать было ни в коем случае нельзя.

Отослав письмо Сергеичу, Вадик потянулся. Выпив еще рюмку, улыбнувшись, прилег на диван...

Разбудили Вадима ноты «Валькирии». Эта мелодия была закреплена за звонком главреда. Голос шефа был грустным. Можно сказать, скорбным.

— Ну еще раз здравствуй, Вадим... Получил твой материал. Прочел и в очередной раз понял, насколько ты небесталанен. Только, Бога ради, не обольщайся, прими эту похвалу достойно,— Сергеич взял паузу.— Старушка, выходит, на твоих глазах прямо и преставилась?

— Почти, Александр Сергеевич. Иду, вижу, ее внучек голосит на всю улицу. Знаете, у самого защемило все внутри. Как будто лезвием по грудиने кромсали. Ну, я тут же по мобильному неотложку вызвал. А о материале и не помышлял даже. Знаете, подумал сначала, что, мол, долг журналиста дело хорошее... Но до определенных границ. Человек ушел в мир иной, а я буду, как папарацци, нащелкивать эту трагичную картину?.. А потом — как осенило, Александр Сергеевич! Будто луч какой снизошел! Ведь ушел человек, ушла жизнь... И, возможно, жизнь, о которой написать именно долг журналиста,— Вадим уже верил себе.

— В этом ты прав... Послушай, а откуда ты биографию Марты Францевны Изотовой, в девичестве Рейншталлер, узнал?

— Там же сноска есть в конце материала. С благодарностью родственникам Марты Францевны за помощь в подготовке материала.

— Ах да... вижу...— Вадиму показалось, что в трубке что-то булькнуло, и главный сильно выдохнул.— Знаешь, что я еще, Вадим, думаю. Не больно ли фото реалистичное? Добрый, можно сказать, пропитанный любовью и скорбью рассказ — и фото покойницы. Вроде как не раздел криминала. Ты как сам считаешь?

— Думаю, что как раз это фото материал и несет.

— А мы знаешь что сделаем? Мы сделаем побольше фотографии, где она в детские годы. Вот где на стульчике стоит, например. Ее увеличим. И где в профиль на набережной, тоже побольше поставим,— моделировал макет Сергеич.— Как годы меняют женщин-то, а?.. Один человек, а на всех фотографиях такая разная...

Здесь стоит пояснить, что для придания большей достоверности своему повествованию Вадик отсканировал детские фотографии своей покойной бабушки. В этот момент он второй раз за день помянул совесть.

— Да я иногда на свои фото смотрю, Александр Сергеевич, и тоже удивляюсь. Вроде всего-то три-четыре года прошло... а так сильно изменился,— вставил Вадим.